

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

Татьяна Николаевна Сидорова,

член Российского общества
социологов, вице-президент
экологической женской ассамблеи,
кандидат исторических наук

Автор статьи обращается к опыту решения проблемы детской беспризорности в Советском Союзе. В частности, к методу А.С. Макаренко. Татьяна Николаевна Сидорова много лет посвятила изучению этой болезненной проблемы — не только российской, но и других стран. Она — автор книги «Беспризорные дети в России и в мире. Взгляд социолога» (М.: Лазурь, 2010).

● *детская беспризорность* ● *дети-сироты*
● *социальное сиротство* ● *детские дома* ● *трудовые коммуны* ● *педагогический метод А.С. Макаренко*

В нашей сравнительно недавней истории были трагические события, которые порождали массовую детскую беспризорность. Это было в 10 — 20-е годы прошлого века как следствие Первой мировой войны, двух революций, Гражданской войны. Затем в 40-е годы — в Великую Отечественную войну. И в тот, и в другой периоды миллионы детей остались без родителей, в особенности без отцов, погибших в войнах. Дети-сироты оказались брошенными на произвол судьбы. Но тогда страна сумела в исторически короткий срок справиться с детской беспризорностью, дать российским гаврошам путёвку в жизнь.

И вот в нашей стране возникла та же проблема. С 90-х годов прошлого века вплоть до сегодняшних дней миллионы и миллионы детей оказываются на улице, и их число не уменьшается, а постоянно растёт. *Особенность этой третьей волны в том, что сегодня беспризорники в основном — не сироты, потерявшие родителей, а дети, у которых есть родители, или по крайней мере, один из них. Это так называемые «социальные сироты».*

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

До сих пор остаётся невыясненным вопрос: почему Советский Союз смог справиться с проблемой детской беспризорности, несмотря на разрушительные последствия войн, а сегодня в России, как, впрочем, и во всём мире, эта проблема не только не разрешена, но ещё более усугубляется?

Борьба с беспризорностью с первых лет Советской власти была поставлена на государственную основу. В статье «Организация работы с беспризорными детьми в 1920-е годы» Андрей Постернак называет численность беспризорных детей — семь миллионов. Это по официальной статистике, хотя, считает автор, реально их было гораздо больше. «За всю историю России вплоть до сего дня, — пишет он, — это единственный период, по которому мы имеем определённые цифры по беспризорным детям. Угрожающие размеры беспризорность приняла в 1921 — 1925 гг. Один из очевидцев сообщал, что беспризорники собирались по отдельным районам Москвы... Группами по 20 — 30 человек они ютились в подвалах и полуразрушенных домах... Надо сказать, что основным средством существования для беспризорников было мелкое воровство» (Нескучный сад, 2011. № 1).

27 января 1921 г. для объединения и согласования деятельности всех ведомств по оказанию помощи детям и борьбе с детской беспризорностью была создана Комиссия по улучшению жизни детей — Деткомиссия ВЦИК во главе с Ф.Э. Дзержинским. В её состав вошли представители ВЦСПС (центрального органа профсоюзов), наркоматов просвещения и рабоче-крестьянской инспекции, здравоохранения, ЦК комсомола и др. В марте 1922 г. создаётся дополнительный контрольный орган — Детская социальная инспекция при Отделе правовой защиты детей Наркомпроса.

Все силы были брошены на спасение детей. Маленьких бродяг всюду вылавливали, отвозили в приёмники-распределители, там их отмывали, одевали, кормили.

Средства на борьбу с детской беспризорностью в то время составлялись из ассигнований государственного и местного бюджетов, общественных организаций и пожертвований.

Со временем стали организовываться детские дома для детей школьного и дошкольного возраста, а также специализированные — для умственно отсталых детей.

Перед детскими домами была поставлена вполне конкретная задача: «дать воспитанникам общее политехническое образование и практические трудовые навыки в целях подготовки их к общественно-полезной трудовой деятельности». Поэтому при детдомах было устроено более тысячи мастерских. В детских домах, коммунах детей сажали за парты, они получали образование, состоялись как граждане; поощрялись их самые смелые мечты — летать в небесах, водить по морям корабли, добиваться в спорте невиданных результатов. И многие из них, вышедшие из самых низов, из беспризорников, стали выдающимися людьми.

К началу 1925 г. в РСФСР было создано около 200 трудовых коммун для подростков. Самой известной из них стала коммуна им. А.М. Горького, организованная А.С. Макаренко под Харьковом.

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

Из опыта работы А.С. Макаренко

Конечно, можно было бы подробно остановиться на мировом значении опыта А.С. Макаренко в воспитании коллектива, в воспитании человека. Можно было бы назвать многочисленные тиражи изданных на многих языках мира его книг, в особенности «Педагогической поэмы», впервые увидевшей свет в 1935 г. и принёсшей ему мировую славу. «Педагогическая поэма» была переведена на 30 языков, «Флаги на башнях» — на 15, «Книга для родителей» также стала широко известна читателям многих стран; все эти работы вошли в восьмитомник его произведений.

Можно было бы рассказать о том, какой всплеск интереса к педагогическому наследию Макаренко наблюдался после Второй мировой войны, когда интерес к СССР, ко всем сторонам жизни советского народа, народа-победителя был невероятно высок; можно было бы также остановиться на работе Марбургской лаборатории в Германии, ставшей объединяющим центром всех западных макаренковедческих исследований; обратиться к исследованиям японских учёных, которые привнесли педагогический метод Макаренко на японскую почву в концепцию: «фирма как одна семья»; рассказать об эксперименте французских учителей с их инициативой привнести в начальные и средние школы 20-го округа Парижа его идею о воспитании, объединившись вокруг общих педагогических целей; сказать о западных социологах, обратившихся к методу Макаренко при исследовании «малых групп» и т.д. Скажу только, что 24 сессией Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО было принято решение широко отметить в 1988 году 100-летие со дня рождения Антона Семёновича Макаренко, великого педагога, внесшего выдающийся вклад в дело воспитания детей, в развитие педагогической науки.

А.М. Горький, предвосхитив это событие, ещё в 1933 году охарактеризовал педагогический и гражданский подвиг А.С. Макаренко как «поразительно удачный педагогический эксперимент, имеющий мировое значение». «Макаренко не отделял учение от воспитания, — писал В.В. Морозов, — одно у него вытекало из другого, дополняло друг друга, и было ещё сцементировано крепкой привязанностью учителя к детям и детей — к учителю. Добавьте сюда абсолютное чувство справедливости, которым обладал Макаренко, его редкостную эрудицию, и можно понять, на чём держался уже тогда его непререкаемый авторитет. Антон Семёнович был непредсказуем, и это вызвало жадное любопытство детей». [Морозов В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности. Москва — Егорьевск, 1998].

Свою задачу я вижу в том, чтобы обратиться к источникам, к работам самого Макаренко, а не передавать своими словами необыкновенно живые и весьма современные его мысли и чувства.

Из лекций Антона Семёновича Макаренко

Из лекции «Некоторые выводы из моего педагогического опыта»:

— В работе с беспризорниками не должно быть особого метода. В самой логике моей работы я никогда не исходил из элемента правонарушения

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

или беспризорности и считал, что, если бы я выработывал свои методы по логике, где большой посылкой являлось бы преступление или, более того, преступный характер, то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломбозовской идеологии. И поэтому такого соблазна решить, что благодаря совершённомu преступлению происходит искривление детского характера в сторону преступления, из чего следует, что надо было бы вывести метод, у меня никогда не было. Это происходит из моей доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Меня некоторые критики упрекают, заявляя: «Почему у вас все молодые люди и девушки и все люди вообще красивые?» А я такие упреки встречаю с широко раскрытыми глазами, в свою очередь спрашивая: «А разве вообще все люди не красивы?» Действительно, по крайней мере, молодёжь мне всегда кажется красивой. Трудно представить себе юношу или девушку, чтобы они казались безобразными... Молодёжь всегда красива, если она правильно воспитывается, правильно живёт, правильно работает, правильно радуется.

Из лекции «О художественной литературе в воспитании детей»:

— В некоторых наших книгах автор интересуется не серьёзным вопросом о характере человека, а только тем, насколько любопытна, насколько необычайна, остроумна эта маленькая фигура преступника. Я посвятил работе с малолетними преступниками 17 лет и знаю, что это не только тяжёлый труд, но и труд, который меньше всего может быть связан с удовлетворением каких-то моих вкусов к приключениям или к сентиментам или вкуса к романтизму.

Каждый правонарушитель представляет собой явление отрицательное, со всеми деталями, присущими отрицательному явлению. И наблюдать беспризорного настоящему, живому человеку, культурному человеку никакого удовольствия доставить не может. Следовательно, с точки зрения эстетики, фигура беспризорника должна быть решительно отброшена. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической: как из беспризорного, из нарушителя воспитать настоящего нового человека. Я сделаю поправку: очень часто для воспитания правонарушителей люди мудрили, хитрили, придумывали разные фокусы. Почему? Только потому, что мало ещё опыта, мало людей, знающих, как нужно вести себя с детьми, а не только с правонарушителями.

О значении среды, в которой воспитывается ребёнок:

— Человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях. Я был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день становились хорошими, очень талантливыми, способными идти быстро вперёд. Таких случаев масса. То, что не правы педологи, настойчиво требовавшие особых методов, прак-

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

тически иллюстрирует лучше всего, к сожалению, мало известный ещё и мало изучаемый нашими педагогами опыт колоний НКВД.

Существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, таких даже художественных находок, которые применяются нашей общей педагогикой.

Я только что вернулся из Украины, где участвовал последние два года в организации новых трудовых колоний. Нам присылали ребят, осуждённых судом, но мы их воспитывали без карцеров, без стражи, без высоких заборов и пропускных будок у ворот. И это также подтверждает основную нашу мысль, что воспитание правонарушителей не является, по существу, какой-то особой задачей, отличающейся от воспитания всех остальных ребят.

Где-то в моей книге сказано, что самые лучшие мальчики, в условиях плохо организованного коллектива, очень быстро становятся дикими зверушками.

Это так и есть. Соберите самых лучших детей, поставьте около них плохих педагогов, и через месяц они разнесут и колонию, и детдом, и школу, и этих педагогов.

Таким образом, существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, таких даже художественных находок, которые применяются нашей общей педагогикой.

Макаренко о чувстве стыда:

— Я не представляю себе, что может серьёзно стоять вопрос о детях-дезорганизаторах. Нет, дезорганизаторов не может быть! Я говорю об этом вот в связи с каким фактом. Я был недавно в детском суде. Сидят пятеро из пятых классов. Говорят, магазин ограбили, апельсины где-то рассыпали, украли и съели, и вот попали на скамью подсудимых. Приходит завуч. Судья спрашивает его: «Можете характеризовать вот этого?» Завуч говорит: «Ужасный мальчик, дезорганизатор! Он опаздывает на занятия, курит и других учит. Верёвки какие-то в класс приносит». Вот «верёвки» меня сразу заставили насторожиться: что за «изверг» такой, с верёвками в класс ходит. И вот судья вызывает: «Семёнов». Он встаёт. Судья — женщина, прекрасного стиля большевичка, спрашивает:

- Отчего у тебя уши покраснели?
- Неловко как-то, — говорит он со слезами.
- А ты пионер?
- Пионер (жмётся.)
- А галстук где?
- В кармане.
- Почему?
- Стыдно...
- Садись...
- Всё понятно! — говорит она.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

А вот завучу не было понятно, что у мальчика уши от стыда краснеют, что он жмётся, что у него на глазах выступают слёзы. Какой же он дезорганизатор? Такому «дезорганизатору» вы, учитель, можете сказать: «Чтобы этого больше не было. Понял?» Можете быть уверены, что этого не будет. Я считаю, что каждый советский педагог, каждый советский человек от каждого советского нормального гражданина и ребёнка должен требовать нормального поступка.

В своей практике я такое вполне развёрнутое, без всяких скидок, требование и предъявил к моим воспитанникам и считаю, что это должно быть законом правильной советской педагогики: непреклонное, ясное, прямое, категорическое требование.

Требовать и уважать

— Моим основным принципом... всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. Если это положение провести по всем линиям воспитательной работы, то мы увидим, как воспитательная работа начнёт принимать строгие и чёткие организационные формы.

Я требую внимания к коллективу, к себе

Из заключительного слова А.С. Макаренко на совещании в научно-практическом институте спецшкол и детдомов НКП РСФСР 20 октября 1938 г.:

— Я считаю, что наша советская государственная школа должна занимать более важное, более блестящее и более величественное место в нашей жизни.

В этом я глубоко убеждён и всегда буду об этом говорить. Наша школа представляет собой заброшенное учреждение. Никто о ней не знает. И не нравится мне, что наши школы называются школами, что наших учеников называют школьниками, что наши школы пронумерованы какими-то страшными астрономическими номерами: 667-я школа, что это мне говорит?

Ведь не боялись же дворяне называть свои школы гимназиями, кадетскими корпусами. Это был своего рода дворянский шик. Почему у нас не может быть своего шика?

Я закончил высшее начальное училище, и я этим очень гордился, всё-таки высшее, а тут: неполная средняя школа.

...В нашей стране школа должна быть важнейшим моментом в жизни не только детской, но и всего общества. Мне удалось этого добиться для моего учреждения. И я хочу, чтобы вы этого добились.

Я требую внимания к коллективу, к себе — и мне это удавалось. В коммуне им.Ф.Э. Дзержинского мы имели духовой оркестр. Это было важно не только в смысле воспитания. Когда шла коммуна им.Ф.Э. Дзержинского, был гром на весь Харьков. У нас было несколько барабанов, тромбоны,

...В нашей стране школа должна быть важнейшим моментом в жизни не только детской, но и всего общества. Мне удалось этого добиться для моего учреждения.

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

причём мы не признавали никаких пианиссимо, играли как можно громче. Дети идут — смотрите!

Я употребил на это дело много энергии, и не только в смысле парадном (мы не встречали другой, равной нам, колонии). Мы не имели ни одного плаката, но имели знамя. Когда ребята со знаменем шли стройной колонной по 8 человек в ряд — это было очень красиво.

Наша школа должна иметь какое-то шефское имя, должна чем-то отличаться от другой школы, должна иметь своё лицо.

Всё это очень важно. В глазах каждого ученика всё это должно иметь огромный общественный вес. Каждый день мы имели во всех театрах тридцать одно место. Надо было, чтобы мои франты для этого умели входить в театр. Они входили в театр с носовым платочком в кармане, с запахом одеколлона. Мы добились права для моих коммунаров ходить потом в театр без билета, так их там любили. Они бывали в артистических уборных, открывали занавес, могли стоять около каждого музыканта, были настоящими хозяевами. Такой шикарный размах должно иметь каждое детское учреждение, и этого можно добиться красивой дисциплиной, красивой, интересной, большой работой.

Наша школа должна иметь какое-то шефское имя, должна чем-то отличаться от другой школы, должна иметь своё лицо. В Харькове предметом гордости коммунаров служило то, что они были горьковцы, и их гордость в этом отношении превосходила все нормы. Мои коммунары гордились тем, что они дзержинцы. У нас всё было пропитано памятью Ф.Э. Дзержинского. И это давало особый тон, особую гордость коллектива. И «Лейка» называлась «ФД», и на груди их был значок: «ФД».

Это даёт большой размах школе. Я провёл восемь походов. Правда, мне пришлось много поработать с ребятами. Я работал в течение двух месяцев по 4–5 часов. Это антипедагогическое действие, но зато мы могли заказать себе отдельный пароход и мы плавали, как хотели. Это сообщает коллективу уважение к самому себе и даёт мне такое средство в руки, какого не может иметь учреждение, заброшенное в переулке.

Если бы мне дали такую школу, как у вас, я обязательно наладил бы там производство, вы не представляете себе, как это прекрасно, когда ребята делают нужные вещи. Работая 4 часа в день на производстве, воспитанники коммуны им. Ф.Э. Дзержинского окупали содержание своё, учителей, театры, походы, костюмы и ещё дали чистой прибыли государству 5 млн рублей. Это, конечно, выгодное дело. Никаких налогов государству мы не платили. Но там был технический интерес, там была ответственность, там был сложный процесс.

Приближение коллектива к жизни даёт новые основания для размаха, и это вызывает сильное движение души. Например, приезжает Эррио. Его надо принять. Ты должен чувствовать, что за нами стоит СССР, и каждый это понимает. Ребята чувствовали себя дипломатическими представителями СССР, а перед ними Франция, буржуазный мир. Нужно вести себя деликатно, не сдавая ни на копейку уважения к себе.

И С Т О Р И Я И Т Е О Р И Я

Главный метод педагогического воздействия — это повышение культуры личности воспитателя.

Я вовсе не противопоставляю ровному голосу обязательно крик. Я имею в виду эмоциональность. Я либо кричу, либо говорю язвительно, либо с намеком. Моя обычная фраза: «Всё, можешь идти». Так я обычно кончал разговор.

Тут можно показать и одобрение, и удовольствие, и насмешку, и холодность, и негодование, и гнев. Но этих слов никогда не скажешь ровно. Это уже не игра, а глубина жизни, которая должна быть всегда видна вашим воспитанникам. А для того, чтобы это была жизнь, у вас должна быть культура личности.

Главный метод педагогического воздействия — это повышение культуры личности воспитателя.

Коммунар

Все мои коммунары делились на два отдела: огромное, подавляющее большинство — коммунары, а те, кто не получил такого звания, — воспитанники («Мы тебя воспитываем, а коммунары уже воспитаны»).

Новенькие тянулись, мечтали о том, когда они достигнут совершенства, а признаком такого совершенства было получение звания коммунара. Это звание получали через 4–5 месяцев, получали его очень торжественно, на собрании, при этом получали значок «ФД», вылитый зелёным цветом. Его могли носить только коммунары.

Воспитанника я имел право наказывать — «греть», как у нас говорили: я мог дать ему вне очереди наряд. Что такое «наряд»? Наряд — это самая разнообразная работа, которая от меня даже не зависела. Я имел право назначить наряд. Дежурные командиры всегда записывали: такой-то имеет, скажем, два наряда, такой-то — один наряд. Причём никто никогда не гонялся за имеющим наряды, а было так: нет работы, — «нарядные» находятся в запасе, а пошёл, скажем, дождь, нужно поставить бочки, — пожалуйста, ставь бочки; или нужно поехать в город получить деньги, — отправляйся в город; или уборка на кухне, — помогай на кухне.

Воспитанника я мог оставить без отпуска, в выходной день он не мог никуда уйти; я мог удержать воспитаннику выдачу карманных денег, т.е. не дать ему денег на руки из его заработка, а положить в сберкассу, откуда он без моей подписи ничего получить не мог.

От всех комсомольцев я требовал идеального поведения. Ни одного проступка не оставлял без наказания. Для коммунаров было одно наказание — арест, а на воспитанника я не мог наложить арест, он ещё до этого не дорос.

Коммунар мог ходить в отпуск без разрешения, доложив только, до какого часа; он мог быть избран уполномоченным, а воспитанник — нет.

И ещё одним правом пользовались коммунары: коммунару я обязан верить на слово: если он сказал, что он дал слово, то неудобно, неприлично не верить на слово.

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

Значит, коммунар мог быть наказан только арестом. Что такое арест? Так же, как и в случае с нарядами, я мог только наложить арест, причём считалось законом, что я должен в это время встать, т.е. не мог, сидя, развалившись в кресле, сказать: «Два часа ареста!», а коммунар должен был мне ответить обязательно салютом: «Есть, два часа ареста!» Если коммунар не сказал, значит, он не принял моего наказания, значит, он не согласен, и тогда я имею право передать вопрос на общее собрание. Но должен вам сказать, что я не помню такого случая. Получив арест, коммунар уходил, и никто никогда это не записывал: наряды дежурный командир записывал и следил, чтобы они были выполнены, а арест — нет. Сам коммунар должен помнить, сам должен выбрать для себя удобное время, чтобы отбыть наказание.

Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем и чего только ни говорим, но как только есть постановление, как только наложено определённое наказание, — кончено, считалось совершенно неприличным, неэтикетным говорить о том проступке, за который уже наложено наказание.

Вот тогда он приходил и говорил: «Прибыл под арест!» Арест заключается в том, что он приходил и должен был сидеть положенное время в моём кабинете. Арест — это внешняя инструментовка, а главное это то, что кабинет — центр, где протекает вся жизнь колонии: где звонит телефон, куда приходят заказчики и т. д. И вот сидящий следит, как проходит жизнь. Причём мною заказывается очень важная методика: я все разговоры веду так, что то и дело вверну что-нибудь специально для отбывающего арест коммунара. Если он, скажем, разбил стекло, то я в разговоре с кем-нибудь скажу: «Если будете ехать в город, купите, пожалуйста, ящик стекла, а то вот у нас стёкла стали бить. Вы говорите денег нет? Как же так, что же мы будем делать?» и т.д. Если он девочку затронул или оскорбил, то на эту тему нужно несколько раз пройтись. Но я никогда не позволял себе допекать провинившегося прямо в глаза: вот, ты сделал то-то и то-то, как это нехорошо!

В коммуне было такое правило: раз наказан и сказано: «Есть!» — больше о проступке говорить нельзя, это считалось неприличным. Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем, и чего только не говорим, но как только есть постановление, как только наложено определённое наказание, — кончено, считалось совершенно неприличным, неэтикетным говорить о том проступке, за который уже наложено наказание. Это весьма важная традиция она спасает наказанного от каких бы то ни было издевательств над ним. Это то, что касается наказания.

Но тут я бы внёс такую коррективу. Во-первых, плохой учитель не должен наказывать ни в коем случае. Право наказания у меня в колонии имел только один человек, право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство.

Я лично, тем не менее, считаю, что много наказаний быть не должно, но по другой логике: наказания не должны оглушать весь коллектив и делаться бытом в коллективе, наказания должны быть настолько редки, чтобы весь коллектив обратил на наложенное наказание внимание. Только поэтому наказания необходимо применять не часто. Если же у меня случался такой отрезок времени, когда что-то в коллективе расстроилось, — я

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение. Наказание накладывал, как правило, я как старший уполномоченный коллектива. Но самое строгое и жестокое наказание, такое наказание, как исключение из коллектива, я всегда считал необходимым проводить через общее собрание.

Общее собрание

— Тут мы подошли к очень интересному вопросу — общее собрание. Я имел право в колонии исключить воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался. Конечно, вы понимаете, что на общем собрании вы должны добиться такого постановления, какое вы считаете необходимым, а если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне.

Для чего же тогда нужно общее собрание? Я считаю, что общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и чёткостью.

В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь могла продолжаться одну-две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность.

Её можно воспитывать ещё при помощи, главным образом, персональных поручений. Это значит — в каждом случае поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчётом на общем собрании и с обязательной проверкой; не сделал — получай взыскание.

Функционирование школьного центра, зависимость отдельных элементов этого центра во многом решают вопрос о дисциплине.

Сила авторитета, а не сила власти

— Если бы меня спросили, с чего бы я начал в нормальной школе, я сказал бы: я начал бы не с формы и не с создания традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что у них будет через два года. Я убеждён, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение, и, может быть, у нас так много ещё ошибок в организационных формах, потому что мы ещё и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность. Этому нужно учиться.

В коммуну приходит новенький

В такие моменты коммуна вдруг охватывается лихорадкой, она, как заболевший организм, быстро и тревожно мобилизует свои силы, чтобы в опасном месте потушить развитие каких-то социальных бактерий.

**Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности
в Советском Союзе**

Социальную инфекцию, напоминающую нам наше прошлое, привносят нам чаще всего новенькие. Новенький воспитанник в коммуне сильно чувствует общий тон коллектива и никогда не посмеет открыто проповедовать что-либо напоминающую блатную идеологию, он даже никогда не осмелится иронически взглянуть на нашу жизнь. Но у него есть привычки и симпатии, вкусы и выражения, от которых он сразу не в состоянии избавиться. Наиболее часто это бывает у мальчиков с пониженным интеллектом и слабой волей. Такой новенький просто неловко чувствует себя в среде подтянутых, дисциплинированных и бодрых коммунаров: он не в состоянии понять законы взаимной связи и взаимного уважения. Ему на каждом шагу мерещится несправедливость, он всегда по старой привычке считает необходимым принять защитно-угрожающую позу, в каждом слове и в движении других он видит что-то опасное и вредное для себя, и во всём коллективе он готов каждую минуту видеть чуждые и враждебные силы.

В то же время, даже когда он полон желания работать, он лишён какой бы то ни было способности заставить себя пережить самое большое напряжение. Ещё в коллекторе, полный намерения «исправиться», он рефлекторно неспособен пройти мимо «плохо лежащей» вещи, чтобы её не присвоить, успокоив себя на первый раз убедительными соображениями, что «никто ни за что не узнает».

Точно размеренный коммунарский день, точно указанные и настойчиво напоминаемые правила ношения одежды, гигиены, вежливости — всё это с первого дня кажется ему настолько утомительным, настолько придирчивым, что уже начинает вспоминаться улица или беспорядочный, заброшенный детский дом, где каждому вольно делать, что хочется.

Контраст полудикого анархического прозябания «на воле» и свободы в организованном коллективе настолько разителен и тяжёл, что каждому новенькому первые дни обязательно даются тяжело. Но большинство ребят очень быстро и активно входит в коллектив. Их подтягивает более всего, может быть, серьёзность предъявляемых требований.

Обычно ребята «бунтуют» только до первого «рапорта». Новенький пробует немного «побузить», нарочно толкнёт девочку, уйдёт с работы, возьмёт чужую вещь, замахнётся кулаком, ответит ненужной грубостью. На замечание другого коммунара удивится:

— А ты что? А тебе болит?

Первый же «рапорт» производит на него совершенно ошеломляющее впечатление. Когда председатель общего собрания спокойно называет его фамилию, он ещё немного топорщится, недовольно поворачивается на стуле и пробует всё так же защищаться:

— Ну, и что?

— Но у председателя уже сталь в голосе:

— Что? Иди на середину!

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Неохотно поднимается с места и делает несколько шагов, развязно покачиваясь и опуская пояс пониже бёдер, как это принято у холодногорских франтов. Одна рука — в бок, другая — в кармане, ноги в какой-то балетной позиции, вообще во всей фигуре примитивное достоинство и независимость.

Но весь зал вдруг гремит негодующим, железным требованием:

— Стань смирно!

Он растерянно оглядывается, но немедленно вытягивается, хотя одна рука ещё в кармане.

Председатель наносит ему следующий удар:

— Вынь руку из кармана.

Наконец, он в полном порядке и можно с ним говорить:

— Ты как обращаешься с девочками?

— Ничего подобного! Она шла.

— Как ничего подобного? В рапорте вот написано...

Он совершенно одинок и беспомощен на середине. Последний удар наносит ему я, это моя обязанность. После суровых слов председателя, после задирающего смеха пацанов я получаю слово. Стараюсь ничего не подчёркивать:

— Что касается Сосновского, то о нём говорить нечего. Он ещё новенький. И, конечно, не умеет вести себя в культурном обществе. Но он, кажется, парень способный, и я уверен, что скоро научится, тем более, что и ребята ему помогут, как новому товарищу.

Заканчиваю я всё-таки сурово, обращаясь прямо к Сосновскому:

— А ты старайся прислушиваться и приглядываться к тому, что делается в коммуне. Ты не телёнок, должен всё сам понять.

Когда собрание кончается и все идут к дверям, кто-нибудь берёт его за плечи и смеётся:

— Ну, вот ты теперь настоящий коммунар, потому что уже отдувался на общем. В первый раз это действительно неприятно, а потом ничего... Только стоять нужно действительно смирно, потому, знаешь — председатель...

Самые неудачные новички никогда не доживают до выхода на середину. Поживёт в коммуне три-четыре дня, ползает, понюхает, скучный, запущенный, бледный, и уйдёт неизвестно когда, неизвестно куда, как будто его и не было.

Коммунары таких определяют с первого взгляда:

— Это не жилец, а сявка.

«Сявка» — старое блатное слово. Это мелкий воришка, трусливый, ничего не стоящий человек, не имеющий никакого достоинства, никакой чес-

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

ти, никакого уважения к себе, бессильное существо, которое ни за что не отвечает и на которое положиться нельзя.

Из лекции «Выводы из педагогического опыта»:

— У меня в коммуне был центр, во-первых, на определённом, самом лучшем месте, во-вторых, он никогда не оставался без ответственного лица. Каждый коммунары знал, что в моё отсутствие на моём месте сидит лицо, которое отвечает за учреждение, все мои коммунары знали, что есть центр, который не прекращает работу и что всегда есть, кого позвать, к кому обратиться. А от этого центра идут уполномоченные лица. Таким уполномоченным лицом у меня в коммуне был дежурный командир. Это мальчик, самый обыкновенный, который дежурит два раза в месяц.

Вообще он не имеет никаких прав, но когда он надевает повязку, он получает очень большие права. И если у вас в коллективе создана традиция, утверждающая, что эта «магистратура» нужна и что эти права идут на пользу коллективу, если вы воспитали в коллективе уважение к своему уполномоченному, тогда ваш дежурный командир делает очень большое дело. Это лицо, отвечающее за рабочий день, за каждый случай в течение рабочего дня. И уже одно то, что среди воспитанников или школьников этот мальчик умеет провести свою власть как власть коллектива, не поступившись этой властью, не оскорбивши её, не позволив её никому оскорбить, — уже одно это делает колоссальные повороты. Этот мальчик в коммуне имел права приказа, и приказа безапелляционного.

Мы не побоялись на это пойти. Вот такой пятнадцатилетний дежурный командир может приказать старшему комсомольцу: «Убери тряпку». Потом его могли «проветрить» в комсомольском бюро, но отказаться выполнить приказ было нельзя.

Мы пошли дальше. Полномочия этого мальчика были настолько почётными, что общее собрание постановило: рапорт дежурного командира проверять нельзя, полное доверие его рапорту. Если ко мне дежурный командир или бригадир придёт и за столом скажет что-нибудь, я могу проверить, но если он мне рапортует в определённой торжественной обстановке, подчёркивающей, что он говорит не просто как живая личность, а как уполномоченный коллектива, считалось, что в этом случае командир соврать не может и, правильно, не может, как бы он ни хотел соврать. И вот эта идея уполномоченного с большими функциями и строгой ответственностью — разве это не та самая идея, на которой дальше сбивается коллектив?! Это всё относится к вопросу организации центра.

Детская игра

— Функция центра затрагивает наши взгляды на детскую игру. Мы считаем, что ребёнок должен поиграть, и игрушек у нас сколько угодно, но в то же время мы почему-то убеждены, что для игры должно быть какое-то отдельное место, и этим всё участие игры в воспитании ограничивается. А я утверждаю, что детская организация должна быть пропитана игрой. Учтите, что речь идёт о детском возрасте, у него есть потребность в игре и её

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

нужно удовлетворить, и не потому, что делу время, потехе час, а потому, что как ребёнок играет, так он будет и работать. И я был сторонником того, что вся организация детского коллектива должна быть проникнута этой игрой, а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

Когда ко мне приезжали наркомпросовские комиссии, наблюдали систему моих рапортов, конечно, в душе я увядал, потому что прекрасно представлял себе, что они смотрели на меня и думали: «Как будто бы и взрослый человек, как будто бы и не дурак, а посмотрите, что он выделяет!» А я говорил: «Есть! Есть! Есть! Есть! Есть!»

И так я «играл» шестнадцать лет, и не только в этом случае, а во многих случаях в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в своё время «ели», играл в командиров, в салюты и т.д. Настоящая военизация была в стрелковых кружках, а это была игра, в которой я принимал участие, принимал участие потому, что я пришёл к убеждению, что без такой игры труднее создать настоящий весёлый и бодрый коллектив. Причём я с удовлетворением отмечаю, что эта «игра» постепенно внедряется. Возьмите, например, школы подготовки артиллеристов. Там уже ввели немножко эту игру. Это не специальные учебные упражнения, это специальная эстетика, которая в детском коллективе необходима.

А вы думаете, что мы с вами не играем? Играем! Возьмите все эти галстучки, булавочки, кошечки, собачки! Это тоже игра. Как будто бы это принято, а на самом деле мы играем — иногда играем в важность в своём кабинете, иногда играем в книжность, когда мы обставимся книжками и думаем — у нас есть библиотека. А в гостиную разве мы не играем? Играем. И в столовый прибор, и в ножички для разрезания лимона и апельсина играем, хотя никогда никакого лимона и апельсина этим ножом не разрежешь!

А почему, как только дети — так сплошная серьёзность, сплошная мораль, мораль, учёба и учёба? А поиграть? «Он на перемене поиграет», — говорит педагог. «Пойди, побегай, но только смотри, чтобы стекло не разбил, грязи не нанес, чтобы нос не разбил!» И вот я считаю, что это привлечение игры в детский коллектив совершенно необходимо...

Труд и воспитание. Производственная демократия

— Мы работали пять лет. Вместе с нами не работали педагоги Олимпа, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека, — и они ещё делали новую советскую педагогику. На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали, — уже не страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие отточила свои методы до достаточной точности. Только ещё небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к ВТУЗу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации. Поэтому вступление во ВТУЗ для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности.

Наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнёт давать перебои.

В решении этих вопросов для коммунаров находится, прежде всего, место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес это есть и интерес личный. В этой общей установке, подчёркнутой во многих деталях нашего дела (например в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники...

И мы видим, прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив. Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей».

Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик.

Как полноправные граждане они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т.е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают, прежде всего, перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даём детскому или юношескому коллективу раб-

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

фак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даём дисциплину.

Беречь заводское оборудование — общий коллективный интерес. Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок, и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит?

А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть, — какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование, как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу. Это, может быть, и жестоко, но эта жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от неё не отказывается, нам почти не приходится её применять.

Коммуна запрещает воровство совершенно категорически

— Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблемы жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять») — это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей.

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, ещё не способным ощущать интересы коллектива, как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится ещё раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении.

Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе — это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные кон-

Т.Н. Сидорова. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе

фликты, связанные с подозрениями невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запирают свои вещи и подозрительно поглядывать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает ещё и растаскивание материальных ценностей. Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идёт на воровство.

Обращаем внимание и ещё на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле слова на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой изгой приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуны и уже навсегда забывал о своём воровском опыте.

Категорическое требование — нет! выпивке, и картежной игре

— Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку — безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то, что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Демократия

— Демократия. Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нём волю, закалённость, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментровки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания...

До сих пор многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы будете следовать этим идеям и принципам.

Насчёт инициативы — коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое даёт путь к решению поставленной общей задачи.

Чувство долга

— Мы также протестуем против воспитания деятельности, построенной только на «интересности». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

И С Т О Р И Я И Т Е О Р И Я

— Мне в этом цеху работать неинтересно, переведите меня в механический.

Такому «ребёнку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать неинтересно?

Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чём дело. Он общается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определённого взноса в общую, трудовую и жизненную копилку...

Из выступления А.С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф.Э. Дзержинского 13 марта 1933 г.: «Нельзя так говорить, как товарищ Гетте. Нельзя дать всем коммунарам работу на станках. Всё равно у многих коммунаров и сейчас есть работа, которая не приносит особой квалификации, но она приучает к труду, к материалу, к производственной обстановке. Всякая работа на производстве вообще полезна, и, во всяком случае, лучше, чтобы коммунары работали даже и на простых работах, чем болтались по цеху из-за отсутствия работы. У нас есть много новых коммунаров, достаточно взрослых, которые могут временно поработать на простых станках... Им в коммуне быть ещё долго. Конечно, всё это временно. Когда откроется новый завод, для всех найдётся интересная работа».

Л и т е р а т у р а

1. Макаренко А.С. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7,8. М.: Педагогика, 1993.